

ОНОМАТОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕПРИВАЦИЯ ЛИЧНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ: ТЕОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. Л. Малиновский

Республика Беларусь, г. Минск, Институт психологии БГПУ
eugeni.malinowski@gmail.com

Элиминация отцовства в гендерной социализации сопровождается агностической индифферентностью к имени как его ядру. Статья посвящена выявлению депривации оноματοлогического аспекта образования с описанием его теопсихологических характеристик и предложением разработки схемы интенционального присутствия Имени Отца в личности человека.

Возникающие в последнее время публицистические дискуссии о крахе института семьи, утрате отцовского авторитета, материнском доминировании в воспитании гендерной идентификации детей, свидетельствуют об изменениях, происходящих в культуре, науке и образовании общества. Патерналистская модель суровой субстанции «Родит отец, а мать, как дар от гостя, плод хранит» (Эсхил) подвержена коррекции со стороны статусной конституциональной и либерально-эстетической позиции материнства в связи с резко возросшим профессионализмом женщин почти во всех областях общественного сознания. Понимание биологического пола значительно изменялось наукой на протяжении XX века в представлениях о нескольких его уровнях: генетическом, хромосомном, гонадном, внутреннем и внешнем морфологическом. Ввиду чего предлагалась точка зрения, согласно которой мужчина и женщина это крайние случаи биологического континуума, включающего разные вариации существования не двух, но, как минимум, пяти и более полов [1]. Подобные взгляды ученых способствовали изменению социальных стратегий относительно положения в семье отца. В 1955 г. Дж. Мани ввел в науку термин «гендер» в качестве социально-культурной альтернативы слова «пол». Переосмыслив природу и воспитание очевидно непротивопоставленными в формировании гендерной идентичности, Р. Столлер в 1968 г. предложил новую концепцию, согласно которой термин «ядерная

гендерная идентичность» обозначал результат «критического постнатального периода» от рождения до 18 месяцев как основного для овладения гендером (Воронова, А.В., 2014). В развитии интегративного подхода к образовательным проблемам личности стало использоваться базисное понятия «пологендерная система» таким авторами, как Р. Ангер, Д.Батлер, О.А.Воронина, Д.В.Воронцов, И.Гофман, Н.В. Досина, Ш. Берн, М. Даймонд, Е.П. Ильин, И.С.Кон, Д. Майерс, Л.Николсон, Э. Фаусто-Стерлинг и др..

С нашей точки зрения, подмена личностной системности в методологии образования «поло-гендерной» ситуацией имеет неоднозначные последствия ролевой игры, которая становится очевидной при более глубоком рассмотрении процессуальной мотивации гендера. С одной стороны, акцентирование культурных детерминант в развитии человека, независимого от определенного пола, обозначает перспективу рассмотрения его духовной сущности. С другой стороны, происходит смещение схемы био-социальной структуры личности образно-ролевой детализацией индивидуальной креативности. Иными словами, искусственный образ ролевого поведения подрывает естественное бытие личности, генерализованной относительно гендерной идентичности индивида, осознающей свою индивидуальность через ассертивный выбор Имени «младенца мужского пола» [5, Откр. 12].

Хотя многие дети успешно социализируются в мире полоролевых отношений, фактор безотцовщины дает о себе знать в связи с ономотологической депривацией [9]. Трагическая индивидуальная история Дэвида Реймера часто используется как типичное основание для критики гендерной концепции Дж. Мани, инициирующей экспериментальную трансформацию пола в гендерной социализация детей. Персистентность (лат. *persistere*), маскулинное упорство Дэвида по отношению к феминному вмешательству окружающей среды в сферу половой идентичности мотивировало его отца однажды открыть правду, благодаря которой юноша стал вести образ жизни, соответствующий его принадлежности к генетическому полу, перенеся операцию по восстановлению первичных мужских половых признаков, женившись и усыновивши троих детей. Однако депривация Значимого Другого (англ. *significant other*) в атеистическом воспитании семьи стала фактором смерти от передозировки антидепрессантов брата-близнеца и депрессии, в которую впал расставшийся с женой Дэвид, впоследствии покончивший жизнь самоубийством в возрасте 38 лет [2]. В отчете психологов из Норвежского центра детской и подростковой психиатрии многозначительной также покажется трагическая история А.Брейвика, по которой «Андерс и его мать спали ночью в одной кровати, между ними был очень тесный физический контакт». Автор книги «Мать», на основании интервью, свидетельствует о женщине с пограничной деструкцией личности и всеохватывающей, хотя с виду малозаметной, депрессией, проецирующей примитивные сексуальные фантазии на сына, за убийство которым 77 человек она никогда не винила себя. Заявляя на суде о ненависти к современным

мульти-культурным системам и мусульманам, разрушавшим норвежское общество сетями «Аль-Каида», Брейвик акцентировал внимание на своем разрыве с церковью, которую отрицательно именовал «шуткой» ввиду «священников, выступавших в поддержку Палестины» (Кристенсен М., 2013). Отчуждение Израиля как ономотологического образования в угоду всякой социализации, сопряжено с матернализмом как комплексом эдипальных отношений. При этом «невыносимое всемогущество матери» (Винникот Д., 2003) обеспечивает сакральную потребность людей в Значимом Другом посредством социокультурного стандарта, характеризующегося сочетанием уровня производства с уровнем заботы о его передовиках и обслуживающих лицах. Матернализм отражает ограниченность перспективы социального объединения путём принятия единственно правильного кодекса профессиональной этики (религиозной чести) и ограничения личностной инициативы отношениями, которые ранее установились как традиционные. Так, при кажущемся патернализме, на самом деле, скрытый эдипальный комплекс Ислама очевиден в убеждениях шиитов по руководству мусульманской общиной избранными лицами из числа потомков Али ибн Талиба, рожденного Фатимой, дочерью Мухаммада и «матерью правоверных» Хадиджи бинт Хувайлид, любимейшей из одиннадцати жен пророка, которая была старше его на 15 лет. Арабское слово «дават» или «призыв» означает в Исламе матерналистское требование жить по законам шариата. На этом ригидном фоне «Покорности» мужественная фигура христианского миссионера Эндрю Брансона (ЕПЦ) эмерджентна личностным выбором Имени Отца и риском даже в современном цивилизованном мире быть подверженным репрессиям в Турции, Иране, Китае и других странах востока за служении Евангелию: «Идите, научите все народы, крестя их во Имя Отца и Сына и Святого Духа»[5, Мф 28:19]. Неотъемлемый признак матернализма это элиминация статуса и самого Имени Отца как ономотологической личности Сына, рождаемого от Духа Святого, который от Отца исходит. Учрежденный на покровительстве и контроле общества, родителями, учителями подопечных, матернализм чреват подавлением меньшинства большинством, личности государством.

Матерналистский подход в гендераной идеологии исходит их крайних представлений. С одной стороны это представление о «Митохондриальной Еве», от которой 200 тысяч лет назад современное человечество унаследовало ДНК (Wilson A., 1985). С другой стороны, в ходе своего развития сложные морфологические свойства организма постепенно развиваются, независимо от взаимодействия с пренатальной средой и внутриклеточными процессами. Концепция Э.Эриксона названа эпигенетической, так как в ее основе лежит принцип развития индивида по общему плану и в соответствии наиболее благоприятным периодам для развития отдельных его частей, пока все части, развившись, не сформируют функциональное целое. Последовательность прохождения периодов психического развития осуществляется за счет биологического созревания, но содержание этого развития на каждой стадии определяется тем, что ожидает от личности общество, к которому она принадлежит. Однако, экспектации явно

ограничивают гомогенную, однородную систему личности, содержащуюся в ономастике Значимого Другого [3] и исходящую к сыну от Отца. Без обращения к отцовству как отечественному (лат. domesticis) Имени не возможно успешно решать кризисные вопросы естественных и социальных связей. Важнейшей частью «ономатологии» П.А.Флоренского является ее утверждение в качестве онтологической формы личности [6]. Отсюда психологическим предметом ономастики является *ónim* или собственное имя, которое служит для оформления субъекта познания в личность из генетического индивида и фенотипической индивидуальности.

Родившемуся в год замены в СССР мужских и женских школ «средними», безличными, показалось существенным исследование ономатологического критерия образования, при котором ограниченность рациональных ресурсов самоконтроля компенсируется стохастическим выбором Имени как *nudge*, что переводится с английского, немецкого и идиш как «слегка подтолкнуть локтем». Новая парадигма «теории подталкивания» Р.Талера основана на учете личностного внимания каждому индивидуальному решению на фоне его внешнего эффекта. В ходе теоретических и экспериментальных исследований Нобелевский лауреат 2017 года выявил влияние, которое оказывает на фенотип решений понимание справедливости Имени как патерналистской ценности [Талер Р., 2017]. Мы предположили, что ономатологическое достижение цели благополучия с Другим, несомневающимся и допускающим, по шкале Р.Декарта, мыслимое (лат. cogito) сомнение (*dubito*), в Я (*sum*), исходит из стохастической методологии филогенеза: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» [5, Ин 3:16].

Методическим построением ономатологической схемы репатриации образования, как процесса обратного инфантильной элиминации Имени Отца из Им же сотворённого мира, стал фрейминг-абдукция, прагматическая процедура выдвижения гипотез (Пирс Ч.С., 2000) многочисленными студентами психологами и учащимися СШ № 177 г. Минска [4]. Гендерный элемент индивида подвергался личностной идентификации 120 учеников младших классов по позициям ономатологической любви к отцу на фоне безусловной любви к матери. В результате была выявлена тенденция депривации (лат. *deprivatio* – потеря, лишение) как весьма значительное сокращение собственного имени в формах самоотчета тех респондентов, которые игнорировали Имя Отца. Достоверность различий в распределении ономатологического признака в верстке «Я» обнаружена путем статистической обработке χ^2 Пирсона, при уровне значимости $p \leq 0,05$. Причём, фиксируемое нами почти по всей выборке тотальное лишение признака Значимого Другого ($\chi^2 p \leq 0,01$) указывает на существование противоположного намерения «верю в себя», которое прямо или косвенно ангажировано самоподобием и нежеланием смены ума как источника преподобия в паттерне личного имени [7]. Наибольшее количество ошибок в обеих респондентских группах было обнаружено при построении гендерной идентификации отцовской сервильности «зарабатывания денег», «вождения машин», «ремонта мебели» и т. п.. Причем, в группе детей из агностических семей 70 % испытуемых тенденциозно узнавали материнскую позицию доминирования в семье и общественных

отношениях, высоко оценивая роль мужчины в политике ($x^2 p \leq 0,05$). Данный факт свидетельствует о больших сложностях в формировании патерналистского аспекта эго-идентичности у детей из атеистических семей, по сравнению с их религиозными сверстниками. Это свидетельствует о низкой степени сформированности у детей-агностиков направленности на Другого ($x^2 p \leq 0,05$).

Тенденция наивно пренебрежительного отношения к смерти у агностиков сменяется ее эмерджентным принятием Лизы: «Знаю, что когда-то умру». Верующие студенты показали откровение характеристик стохастического плана от кризисной имплицитности «Мне страшно, потому что знаю, что смерть это не конец» до релевантной переменной жизненного пути личности, относящейся к смерти как к врагу, но побежденному Пасхальным Воскресением личности. Распределение позиций по вёрсткам фрейма бразует 9 визуальных и 1 акустическое (голосовое) значения. Последнее значения часто обнаруживает диссоциативную имплицитность, например, в перепевании 7-летней Есенией шлягера «Уходи и дверь закрой, у меня теперь другой!» с тревогой неявно надвигающегося развода родителей. Эмерджентные высказывания Андрея отличаются ригидно-онтогенетической маскулинностью «Я могу жениться». Благополучие «Я люблю маму, папу, брата, бабушку» оттеняет стохастическую линию ожидания Другого, сказочно безличного, но мистического: «верю, что Дед Мороз существует». Трансцендентное желание «Ещё раз родиться» вызвано переосмыслением несправедливости смерти и требования перемены ума как функции личности: «Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше» [5, Ин 3:3].

Значимый Другой, снимая субъектную оппозицию родового и индивидуального в человеке, «слегка подталкивает локтем» складку (англ. fold) возникновения главной, по З.Фрейду, потребности (нем. *Naubtrieb*) в любви к ближнему как гласного Имени личности на фоне ролевой типизации фигуры. Вне ономотологической объективации образа отца субъект расщеплен эффектом требовательной функцией языка: «Мама, смотри, вон ничейный папа валяется» (Никита, 5 лет). Отсюда безотчетная одержимость желания отца, грезами которого завладел сын, в глобальном смысле, сопровождается лишением мира Имени Отца с ономотологической депривацией «Иного пути». При этом стохастический образ Отца в сотворении личностного «подобия» мужчины и женщины [5, Быт 1:26] подталкивает сосредоточение научных, художественных, нравственных предпочтений детей и студентов на патерналистских признаках ценностной шкалы образования.

Список литературы

1. Белкин, А. И. Третий пол. Судьбы пасынков Природы [Текст] / А. И. Белкин. – М. : Олимп. – 2000. – 432 с.
2. Гендерная психология: практикум / Под. ред. Клециной. – СПб.: Питер, 2009. – С. 31 – 34. – 496 с.
3. Левинас, Э. Путь к Другому / Пер. Е. Бахтиной. – СПб.: Изд-во СПб университета, 2007. – 240 с.
4. Малиновский, Е.Л. Теопсихология любви в образовании студента Е.Л. Малиновский // Психология обучения. – № 5. – 2016. – С. 14.
5. Священное Писание. Тексты. Библия. – Брюссель Издательство: Жизнь с Богом, 1989. – 2535 с.
6. Флоренский, П. А. Малое собр. соч. Вып.1. Имена. / П. А. Флоренский. – М.: Купина, 1993. – 319 с.
7. Шукуров, Д.Л. Имя Отца в психоаналитическом дискурсе Жака Лакана // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 5. Психология, № 3. – С. 51–59.